

МАРИ  
Са

ИЗМЕНА

Предатель

ДОЛЖЕН СТРАДАТЬ

Мари Са

**Измена. Предатель  
должен страдать**

«Автор»

2026

**Са М.**

Измена. Предатель должен страдать / М. Са — «Автор», 2026

Я думала, самое страшное — потерять любимого. Ошибалась. Самое страшное — увидеть, как муж страстно целует другую женщину прямо в день своего юбилея. В нашем доме. На глазах у всех гостей. — Это мой подарок тебе, милый, — шепчет любовница, вызываясь улыбаясь. А он смотрит на меня и равнодушно бросает: — Сама виновата. Зачем было устраивать этот цирк? Мир рушится за секунду. Вместо новости о беременности — предательство и боль. Что делать, если внутри тебя растёт ребёнок мужчины, который разбил твоё сердце?

© Са М., 2026

© Автор, 2026

# Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1                           | 5  |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 11 |

# Мари Са

## Измена. Предатель должен страдать

### Глава 1

Мы сидим в темноте, как заговорщицы. Подруга Юля уже минут десять периодически толкает меня локтем и шепчет на ухо:

— Ну хватит волноваться, Алиска. Сюрприз ему точно понравится.

Я киваю в ответ, хотя сама не уверена.

В голове мелькают мысли, одна тревожнее другой. Я целых две недели собирала этот праздник по кусочкам, словно огромный пазл, который никак не хотел складываться. И сложнее всего оказалось убедить прийти именно родственников Ромы.

Богатых, занятых людей, вечно смотрящих на меня сверху вниз, будто я гостя из другого мира.

Чувствую, как ладони вспотели, и незаметно вытираю их о подол платья. Нелепо волноваться в свои-то годы. Но сегодня день рождения Романа, моего мужа.

Юбилей.

Тридцать лет — и я хочу, чтобы он был особенным.

Чтобы он стал именно тем днём, который Рома запомнит навсегда.

— Ты уверена, что он скоро? — шепчет где-то рядом сестра Ромы, Вероника.

Голос звучит раздражённо и устало. Будто я виновата в том, что заставила её потратить на нас своё драгоценное время.

— Да, — отвечаю тихо. — Он скоро.

Сегодня утром я специально сказала мужу, что задержусь на работе. Чтобы он ничего не заподозрил.

Представляю, как он удивится, войдя в квартиру, увидев своих близких, друзей и даже родню, которая обычно вечно занята своими важными делами.

Невольно кладу ладонь на живот.

Ещё один сюрприз.

Самый главный.

Тёплый, долгожданный.

Я ещё не сказала об этом Роме, хотя мне так хотелось. Несколько раз почти сорвалась, но решила дождаться его дня рождения. Пусть сегодня он узнает о ребёнке.

Нашем ребёнке.

От этой мысли внутри всё сжимается от нежности и счастья. Я представляю, как загорятся его глаза, как он улыбнётся и скажет, что счастлив. Что мы справимся со всем вместе.

— Алиса, он уже на парковке! — вдруг шепчет Юля, перебив мои мысли.

Сердце подскакивает куда-то к горлу.

Я глубоко вздыхаю, успокаивая бешено стучащее сердце.

«Всё получится. Это будет лучший день рождения Ромы», — убеждаю себя и улыбаюсь в темноте, которая вот-вот должна озариться светом и радостью.

Секунда — и мир летит под откос.

Дверь распахивается, включается свет, взрываются хлопушки, в воздухе кружится конфетти.

Гости улыбаются и кричат «сюрприз!», а я не могу даже вдохнуть.

Потому что в дверях стоит мой муж.

Роман.

И он не один.

Он целует какую-то женщину. Страстно, жадно, бессовестно — словно подросток, который дорвался до запретного. Его ладонь лежит на её ягодицах, сжимает вызывающе и грубо. Вторая рука в её волосах.

Моё сердце замирает, дыхание обрывается, а внутри разливается холод.

Незнакомка отстраняется от Романа, смеётся низким, игривым смехом и, совершенно не стесняясь людей вокруг, проводит пальцем по его губам:

— Ну как тебе мой подарок на день рождения, любимый?

Голос у неё грудной, томный и одновременно вульгарный. Одежда подчёркивает каждую линию фигуры: слишком обтягивающая юбка, вызывающе расстёгнутая блузка, сквозь которую просвечивает яркий красный лифчик.

От неё пахнет резкими духами — сладкими и удушливыми.

Тишина становится вязкой, невыносимой. Кто-то неловко кашляет, кто-то отводит глаза, а я стою и не могу пошевелиться.

Сюрприз удался.

Роман поворачивает голову и смотрит на меня. Глаза у него странные — будто не сразу понимает, где он и что происходит.

А я вдруг осознаю, что всё, во что верила, только что разбилось вдребезги. Острые осколки моего счастья валяются прямо под ногами, и собрать их уже не получится.

Не сегодня.

И, кажется, уже никогда.

Тишина, повисшая в квартире, кажется мне звенящей и бесконечной. Я стою в ней, словно под прицелом десятка взглядов — осуждающих, растерянных, любопытных.

Но хуже всего — презрение. Родственники Ромы смотрят именно на меня. Будто виновата я, а не мужчина, который прямо сейчас держит в руках чужое тело.

Свекровь, Алла Павловна, стоит прямо передо мной. Холодные серые глаза цепляют меня с таким выражением, будто я давно уже должна была это предвидеть. Подбородок вскинут гордо, словно она наконец добилась своего.

Я никогда не была ей нужна рядом с её драгоценным сыном.

Не подходила, не дотягивала — слишком простая, слишком обычная.

Вероника, сестра Ромы, стоит рядом, едва скрывая улыбку. Она всегда умела изящно демонстрировать, насколько я не вписываюсь в их элитный круг. Теперь в её взгляде читается открытое торжество.

Её мечта сбылась: Золушке указали на дверь.

На секунду я даже ловлю себя на мысли: а вдруг это они?

Вдруг кто-то из родни нарочно подстроил эту мерзкую сцену, подсказал любовнице, когда и куда привести Рому. Чтобы наверняка подставить меня и показать, где моё настоящее место — далеко от их сказочного принца.

Наверное, я должна поблагодарить их за это. За то, что наконец открыли мне глаза.

Но сейчас я едва могу дышать. Сердце бьётся тяжело, больно, словно рвётся наружу.

А Рома всё ещё стоит в дверях — высокий, красивый до невозможности, как герой из дорогой рекламы. Чёрные волосы идеально уложены, костюм сидит так, будто сшит на заказ (да скорее всего, так и есть).

Взгляд — уверенный и властный, тот самый, от которого всегда слабели мои коленки.

Тот самый, что когда-то заставил меня забыть обо всём на свете.

Я помню наш первый вечер. Его улыбку, как лёгкое, но верное оружие против всех моих сомнений. Помню, как сердце сбилось с ритма, когда он заговорил со мной впервые. Такой мужчина не должен был даже смотреть в мою сторону, а он смотрел.

Говорил.

Целовал.

Я поверила, что сказки бывают.

А сейчас моя сказка рушится на глазах, и единственное, что ощущаю, — это мучительный стыд и горечь, которые не спрятать за улыбкой и красивым платьем.

Снова смотрю на его семью, и мне хочется убежать. Спрятаться от этих взглядов, от их молчаливого триумфа.

Но вместо этого я остаюсь стоять и почему-то жду, сама не понимая чего. Будто верю, что сейчас произойдёт чудо, и кошмар закончится. Но чуда не будет.

Не в моей истории.

Роман вдруг просыпается от оцепенения. Резко отстраняется от своей спутницы и смотрит на неё так, словно только сейчас увидел.

— Тебе лучше уйти, — холодно бросает он ей.

Никаких извинений, никаких объяснений.

Брюнетка растерянно хлопает ресницами, губки её недовольно надуваются, и на лице мелькает обида, будто ребёнку отказали в новой игрушке.

— Но, милый... — начинает она обиженно, явно не понимая, что пошло не так.

— Уходи, — повторяет он жёстче и решительнее. — Сейчас же.

Она резко разворачивается, демонстративно поправляет свою вызывающую блузку, бросает на меня высокомерный взгляд и удаляется на каблуках, громко стуча ими по полу, словно пытаясь оставить следы своего пребывания в этом доме.

Гости начинают быстро расходиться, ловя моё лицо тревожными взглядами и стараясь не встречаться глазами с Ромой. Он даже не пытается извиниться перед ними, не говорит ничего — просто выпроваживает всех с явным раздражением, будто гости и виноваты в том, что он сегодня пойман на горячем.

Я стою молча, чувствуя, как в груди что-то холодное и острое. Наблюдаю за этой сценой и почему-то думаю не о предательстве, а о том, как глупо я, наверное, выгляжу сейчас.

Наивная, смешная женщина, верившая, что любовь способна защитить от чего угодно.

Даже от измены.

Когда дверь захлопывается за последним гостем, Рома поворачивается ко мне. Лицо напряжённое, глаза темнеют от раздражения.

— Зачем ты всё это устроила? — голос ровный, почти равнодушный. Словно это я виновата в случившемся. — Этот цирк был совершенно не нужен.

Я замираю, ошеломлённая его словами. Ожидала чего угодно: извинений, оправданий, хоть какого-то сожаления, но не этого холодного упрёка.

Боль, горячая и невыносимая, накрывает с головой.

— Это я устроила цирк? — говорю тихо, чувствуя, как предательски дрожит голос. — Ты серьёзно сейчас это?

Он молчит, лишь раздражённо вздыхает и отводит глаза, будто я утомляю его своей глупой обидой.

— Как ты мог привести её сюда? Сегодня. В наш дом. При всех, — голос срывается на полушёпот. Горло сжимает комок слёз, который я отчаянно не хочу выпустить наружу. — Как ты вообще мог так со мной поступить?

Он снова смотрит на меня, и я ищу в его глазах хоть каплю вины, хоть малейшее сожаление. Но там лишь холод и усталость человека, которого отвлекли от важных дел.

И вдруг понимаю, что для него это — мелочь, незначительный эпизод, о котором он завтра уже забудет.

А я не забуду никогда.

— Ты сама виновата, — бросает Роман холодно и резко, будто режет ножом. Взгляд колючий и тяжёлый, и я понимаю, что никогда раньше не видела его таким чужим. — Я не просил никаких сюрпризов. Ты устроила спектакль, вот и получила.

Голос его спокоен и безразличен, будто он говорит не о моей боли, а о погоде за окном. Я молчу и только смотрю на него, чувствуя, как по щеке предательски скатывается слеза.

Горячая, жгучая, будто от стыда и обиды одновременно.

— Ты вообще в своём уме? — выдавливаю с трудом. — Как ты можешь так спокойно говорить о том, что у тебя есть другие женщины? Ты... ты вообще давно мне изменяешь?

Почти срываюсь и чуть не добавляю:

«Как ты можешь изменять своей беременной жене?»

Но сдерживаюсь в последний момент.

Больно.

Очень больно.

Говорить об этом вслух сейчас — значит, признать, насколько глубоко он меня ранил.

Роман пожимает плечами, смотрит без тени раскаяния, даже с каким-то циничным любопытством:

— Какая разница, Алиса? Неделю, месяц, год — это не имеет значения. Неужели ты на самом деле думала, что мужчина в моём положении ограничится одной женщиной?

Каждое слово — удар.

Холодный, жестокий и точный.

Я ощущаю, как дыхание сбивается, а сердце колотится где-то в горле, с трудом проталкиваясь через боль.

Невольно прижимаю руку к животу. Внутри меня растёт наш ребёнок. Его ребёнок. Ребёнок человека, который прямо сейчас, смотря мне в глаза, разрушает всё, во что я верила.

— А как же наши клятвы? Ты никогда не собирался быть мне верным? — голос срывается на отчаянный шёпот.

Роман усмехается. Цинично и снисходительно, будто я маленькая девочка, задающая наивные вопросы взрослому.

— Какие клятвы, Алиса? Мы не в сказке живём. Тебе должно быть достаточно того, что я тебе даю. А остальное — это мелочи, пустая забава. Умная жена должна понимать такие вещи.

Его слова звучат так легко, словно измена — это какая-то незначительная бытовая деталь, на которую не стоит даже обращать внимания. Они обжигают меня изнутри, заставляя чувствовать себя униженной, ничтожной, ненужной.

Стою напротив и едва держусь на ногах. Внутри словно оборвалась какая-то важная нить, на которой держалось всё моё счастье. Теперь остаётся только пустота, растерянность и глухая, жгучая боль.

И вопрос, который я никак не могу произнести вслух:

Как я могла так сильно ошибиться в человеке, которого люблю?

Я больше ничего не говорю. Слова застревают где-то в горле, а внутри словно что-то гаснет. Будто кто-то резко выдернул вилку из розетки, и мой внутренний свет медленно и безвозвратно погас.

И вдруг отчётливо вспоминаю тот вечер, когда впервые его встретила. Как сердце подпрыгнуло, когда он улыбнулся, будто я была единственной девушкой во всём мире. Как потом, во время первого свидания, он специально приехал через весь город, просто потому что я забыла дома зонт, а на улице вдруг пошёл дождь.

Как смешно ворчал, вытирая мои мокрые волосы своим дорогим пиджаком, и как впервые поцеловал меня, осторожно, словно боясь спугнуть.

И сейчас, глядя на это холодное, чужое лицо, я никак не могу поверить, что тот человек и этот — один и тот же.

— Я всё поняла, — говорю тихо, почти спокойно, хотя внутри бушует ураган из боли и разочарования.

Голос звучит незнакомо даже для меня самой.

Он молчит. Наверное, ждёт слёз, криков или истерики. Но слёз не будет. По крайней мере, он их больше никогда не увидит.

Я разворачиваюсь и иду к себе в комнату. Дверь закрывается тихо, почти бесшумно, но для меня это звучит, как удар грома. Как точка в конце предложения.

Опускаюсь на край кровати и обвожу взглядом комнату, которую так долго считала своим домом. И вдруг ясно понимаю: больше я не позволю себя унижать. Ни Роману, ни его семье, ни кому бы то ни было ещё.

С этого самого момента я начинаю готовиться.

К тому, чтобы уйти и больше никогда не оглядываться.

Следующие дни проходят словно в тумане. Я двигаюсь по дому автоматически: улыбаюсь, отвечаю на вопросы, даже как-то пытаюсь изображать нормальность. А внутри всё время будто натянута тугая струна, которая вот-вот лопнет.

Роман ведёт себя так, словно ничего не случилось. Будто я всё проглотила и приняла правила его игры. Он снова уходит по утрам, приходит поздно вечером, иногда кидает какие-то безразличные фразы, от которых раньше у меня щемило сердце.

Сейчас же внутри пусто.

Просто пусто.

Я начинаю готовиться к уходу. Тайком перевожу деньги со счетов, понемногу, осторожно, чтобы он ничего не заметил. Продаю пару дорогих украшений, которые когда-то он дарил на годовщины и праздники.

Мне не жаль. Эти драгоценности теперь ничего не стоят. Просто металл и камни, без смысла и души.

Коплю наличные, которые прячу в старую коробку из-под обуви в глубине шкафа. Готовлюсь тщательно, без спешки. Я больше не сделаю ошибок.

И вот однажды за ужином Роман, не поднимая глаз от тарелки, бросает небрежно:

— Завтра уезжаю в командировку на пару недель.

Я не спрашиваю, куда и с кем. Всё и так ясно. Он возьмёт с собой очередную девушку, такую же, как та, на его дне рождения.

Я давно поняла: их у него не одна и даже не две. Сколько их было за эти годы? Не хочу даже думать.

Я была слепа. Глупо и наивно слепа.

Лишь киваю и продолжаю молча ужинать. Не хочу его провоцировать, не хочу выяснять отношения. Хочу только одного — уйти, исчезнуть из его жизни навсегда.

Пока он собирает чемодан, я мысленно повторяю свой план и осторожно прижимаю ладонь к животу. Там, внутри, растёт наш с ним малыш. Растёт мой смысл, моё новое начало.

Роман не догадывается, что больше не увидит меня, когда вернётся домой.

И именно это знание даёт мне силы дожидаться завтрашнего дня.

Перед уходом Роман наклоняется и целует меня в губы. Легко, почти привычно. Будто ничего не произошло. Будто он просто отправляется в обычную командировку, а я жду его дома, как всегда.

Но я-то знаю, что это прощание.

Что это наш последний поцелуй.

И от этого сердце сжимается так больно, что я едва удерживаю слёзы. Горячие, обжигающие, они стоят в глазах, а я моргаю изо всех сил, чтобы не дать им пролиться прямо сейчас.

— До встречи, — спокойно говорит он, поправляя манжеты рубашки, и берёт свой чемодан.

— До встречи, — повторяю я механически, стараясь не выдать голосом того, что чувствую на самом деле.

Как только дверь за ним закрывается, я замираю на несколько секунд. Слушаю удаляющиеся шаги, звук лифта. Затем наступает тишина. Такая громкая, что от неё закладывает уши.

И я наконец позволяю себе дышать.

Всё. Теперь всё.

Быстро хватаю уже собранный чемодан, закидываю в него последние вещи, которые попадают под руку. Заявление на развод уже написано, аккуратно сложено и лежит в сумке.

На сердце тяжело и пусто одновременно.

Я не могу здесь больше оставаться. Не могу рисковать тем, что он вернётся, посмотрит мне в глаза, и я снова прошу.

Снова уступлю своему глупому, упрямому сердцу.

Именно поэтому я решила уехать так далеко. И не потому, что он будет искать. Нет. Просто чтобы самой не поддаться слабости, не поверить снова его улыбке, не вспомнить тепло его рук.

Сибирь.

Маленький городок, куда не ведёт ни одна приличная дорога. Глухая тайга, люди, которые живут простой жизнью и не знают о том, как красивые столичные богачи с лёгкостью предадут своих жен.

Место, где моё сердце, наконец, сможет зажить.

Я хватаю чемодан, кидаю последний взгляд на квартиру, где когда-то была счастлива, и захлопываю дверь.

Теперь обратного пути уже нет.

\*\*\*

Я сижу на жёстком пластиковом стуле возле кабинета УЗИ и не могу оторвать взгляд от маленького чёрно-белого снимка. Моего первого снимка. Нашего с ним.

Малыш на экране совсем крохотный, размером с фасолинку, но сердце уже стучит. Я слышала его сегодня, и этот звук оказался громче, чем все мои страхи и сомнения вместе взятые.

Провожу пальцем по снимку, аккуратно, нежно, будто могу случайно его задеть. Горло сжимает от горькой нежности и одновременно от чувства, что теперь у нас только одна дорога — вперёд.

Другого пути нет.

— Теперь у меня остался только ты, — шепчу, прижимая снимок к груди. — Но что я скажу, когда ты спросишь, где твой папа, и почему мы ему не нужны?

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.